

2207

— Если бы возникла необходимость в нескольких словах определить главную тему вашего творчества, как бы вы, Юрий Маркович, это сделали?

— Стремление понять, что за чудо — человек.

Особенной притягательностью обладают для меня моменты пробуждения человеческой души — самооткрытия, что ли, способность к действию, преодоление, победа над собой, преимущественно в области нравственности и морали. Мне дороги личности, обладающие творческой силой, нравственным величием, отвагой и отсутствием эгоизма. И если вам хочется, чтобы я еще точнее выразил свое сredo, скажу, что я скорее человекотверждающий писатель, что мне присуще жизнепримлющее начало.

Разумеется, это не означает, что я не замечаю дурного, отношусь равнодушно к отрицательным явлениям, но по неистребимой склонности своей вижу в каждом человеке что-то привлекательное.

— Вы много путешествуете по нашей стране и за рубежом. Чему вас учит «наука дальних странствий»?

— Тому же, чему учит сверхнапряженное столичное времяпрепровождение, тихие дни в нашем подмосковном поселке, чтение хороших книг и разговоры с друзьями — познанию современности, способности ближе увидеть жизнь народа в самых разных ее проявлениях, а именно это, мне кажется, является важнейшей задачей каждого художника.

— Назовите, пожалуйста, какие-нибудь недавние произведения, написанные вами после поездок.

— Рассказ «Вася, чуешь?..» появился после возвращения с БАМа. В. Шугаев свозил нас на один из сибирских фарфоровых заводов — написал «Чужую», да вот просто по грибы скатали, и возник «Берендеев лес». Почти каждый раз, приезжая из Ленинграда, привозил рассказ, очерк или сценарий. Неожиданно для меня большой резонанс вызвали очерки «Летающие тарелочки», опубликованные в журнале «Наш современник». Я получил множество писем от самых разных людей, которые никогда не были в Америке и не собираются туда — видимо, удалось как-то расширить их представление об этой стране, открыть для читателей нечто новое.

— Относятся ли ваши американские впечатления к жанру путевого очерка или их, на ваш взгляд, можно причислить к публицистике?

— Старый, добрый жанр путевого очерка в последние годы переживает определенный взлет. Этому можно найти убедительное объяснение — миновала пора болтливости описательства, простой фиксации поверхностных впечатлений, горделивого сознания, что ты — не хуже других, что тебя тоже пустили в Европу. Пришло время обобщений, время связывать увиденное с самыми главными своими размышлениями о мире, о бытии, о человеке.

Что же касается границ жанра, то элемент публицистичности непременно присутствует в моих очерках в том смысле, как определяют значение слова «публицистика» в словарях, то есть произведения, посвященные актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Смеем думать, что все написанное мной имеет отношение к современной жизни общества, как бы далеко в историю я порой ни забирался.

— А что больше всего привлекало вас, когда вы отправлялись «открывать Америку»?

— И социально-экономические проблемы, и психология, и претворение человеческих потребностей в области литературы и искусства... Я был в Америке сравнительно недолго — два месяца и неделю, ехал туда, чтобы читать лекции в университетах, и месяц из отпущенного мне времени специально посвятил путешествиям на автобусах из города в город

(иной раз рейсы длились по 20—25 часов). Увидел благодаря этому не только Америку ученых и студентов, но и Америку дорожную, ночную, негритянскую, небогатую. Увидел и с окончательной определенностью понял гигантскую, непреодолимую пропасть между жизнью народа и жизнью тех, кто вершит его судьбы. Увидел печальное, смешное, трагическое, достойное и прекрасное и, настроенный на какую-то волну притягательности, постарался бесхитроно — в смысле формы — поведать об увиденном своим читателям.

— Какие работы последних лет в близком жанре кажутся вам интересными?

— Книги Л. Васильевой об Англии и В. Овчинникова о Японии. Они написаны и со знанием, и с большим уважением к народам этих стран.

— Разница только в том, что у этих писателей было длительное время для изучения жизни, быта, истории и философии, а вам пришлось компенсировать неизбежную поспешность впечатлений их остротой, вашей настроенностью на восприятие, способностью к их воспроизведению. Как проходил у вас процесс сбора материала?

лями, а порой месяцами колесил по разбитым дорогам, видел воочию едва-едва начинающее становиться на ноги Нечерноземье. писал статьи, очерки, рассказы, выполнял и поручения вашей газеты, которые давали мне незабвенные Николай Атаров и Ефим Дорош...

Вот оттуда, из увиденного, до боли близкого и пережитого, возник и «Председатель», и другие «деревенские» кино-сценарии, а во многом — мои охотничьи рассказы. Вообще, по-моему, ни один русский писатель не мыслит себя вне связи с природой, без наблюдения над ее изменяющимся ликом, над тем, как она преображается — а иногда и уродуется — человеком. Эта нота звучит во всей литературе XIX века, она высоко звучит и в наше время в произведениях советских писателей.

— Но ведь вы представляете собой как писатель, если

Юрий
НАГИБИН:

ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

— Я всегда записываю только имена, названия, адреса. Езжу-езжу, а писать хочется постоянно, ведь уже сорок лет пишу, так иногда в дороге отмечая в блокноте пейзаж или наблюдение, звук, слово. Зато когда сажусь за рабочий стол, в записи свои почти не заглядываю — включается зрительная, художественная, профессиональная память, сверяю только какие-то детали.

— Отражается ли в вашей прозе то обстоятельство, что вы немало внимания уделяли кинематографии?

— Думаю, что да. Киносценарий, по-моему, близок маленькой повести, рассказу, новелле, а так как я по преимуществу рассказчик, то в смысле построения вещи, ее фабулы, сюжетности, более широкого использования диалогов кинематографические элементы просочились и в прозу. Кстати, от работы в кино я практически отказался. Немалую роль в этом играют те взаимоотношения, которые, к моему глубочайшему огорчению, складываются между писателем, автором сценария и мощным производственным процессом на студиях. Безмолвно наблюдать, как твоё детище подвергается вивисекции, как его по своему вкусу переделывает режиссер и долбывают администраторы от кино, и не иметь возможности вмешаться стало просто непосильно для меня.

— «Председатель», «Дерсу Узала», много других замечательных фильмов связаны с вашим именем. Неужели вы сможете обходиться без кино?

— Да уж постарался...

— Раз мы говорим о кино, объясните, пожалуйста, как родился «Председатель» — ведь вы, кажется, всего несколько дней были у Орловского, ставшего прототипом Егора Трубникова?

— Несколько дней дали важные штрихи для понимания характера будущего главного героя фильма. Но ведь почти все мое детство, каждый год с мая по сентябрь, проходило в крошечном селечке Внукове на Рысанщине. Там стояли всего два дома — братьев Егора и Якова, там я узнавал, что такое сельская жизнь и заботы, не по страницам книг, а по реальной, бедной, голодной действительности. После войны почти восемь лет я был сельским корреспондентом, неде-

можно сказать, сплав деревни и города. Вы с удовольствием пишите и о Москве, «перенасыщенном звуками, судорожным движением машин и людских масс городе», и о тишине преддосветного часа на озере...

— Когда-то давным-давно А. Т. Твардовский сказал мне: «У вас получается пейзаж. Старайтесь сократить его до минимума. Не цепляйтесь за то, что легко дается». Я стараюсь следовать совету этого замечательного поэта и человека, которого любил. Наверное, в большой мере из-за этого я пришел в конце концов к тому роду литературы, который условно может быть назван «исторической прозой».

— Вы имеете в виду цикл рассказов и повестей о Пушкине, Тютчеве, Чайковском и других выдающихся деятелях отечественной и зарубежной культуры?

— Да, но история меня волнует не сама по себе, а те лишь ее приметы, которые имеют отношение к трудным вопросам нравственной жизни современного человека. В биографиях, в судьбах великих художников прошлого я порой находил вневременной, общечеловеческий смысл.

Я знаю, как скрупулезно, тщательно готовится к писанию своих исторических очерков В. Солоухин — ему надо знать абсолютно все о своем «предмете», тогда начинается работа души и мысли. Мне же, напротив, надо зарядиться желанием написать и немедленно обрести свободу от того, что мне известно, лишь в этом случае возникает творческий импульс. Я боялся и всегда боюсь, что на меня могут оказать влияние чужие мнения, чужие концепции, чужие выношенные представления, поэтому беру на себя смелость предлагать свои варианты эпизодов из жизни великих творцов. Если в моих рассказах и повестях есть отступление от правды факта, то происходит это не по ошибке, а совершенно сознательно — так я изменил обстоятельства исхода героя в новелле «Смерть на вокзале», посвященной Иннокентию Анненскому, до сих пор еще не в полной мере оцененному деятелю отечественной культуры, блистательному поэту, переводчику, критику.

Мое глубочайшее убеждение,

что необходимо свято чтить главный этический момент: нельзя сознательно извращать идею — то, за что люди страдали и гибли, нельзя написать рассказ о Льве Толстом и доказывать, что он призывал... мстить. Это кощунственно. Что касается свободы обращения с фактами биографии — будь то Тютчев или Дельвиг, Бах или Лесков, Верди или Рахманинов и многие другие, — то я всегда вдохновляюсь примером Пушкина, создавшего бессмертную трагедию «Моцарт и Сальери», пронизанную чувством полной художественной свободы.

— Будете ли вы продолжать работать в этом жанре?

— Сейчас закончил рассказ о последней любви Гёте и начал под впечатлением летней поездки в Соловки, Архангельскую область и Валаам небольшую повесть, связанную с одним из современников Ивана Грозного, жившего в тех местах.

— Юрий Маркович, и последний вопрос — о молодых. Не секрет, что непросто войти в литературу начинающему автору. Понимаю, что готовых рецептов здесь нет и быть не может, и все-таки... что бы вы посоветовали тем, кто сегодня только «пробует перо»?

— Со всей определенностью могу заявить только одно: писать надо каждый день, иначе толка не будет!

Во время моего «северного» маршрута в Петрозаводске виделся с одним из тех молодых талантливых писателей, за судьбой которых слежу уже несколько лет, с бульдозеристом Борисом Кравченко, человеком нелегкой судьбы и поразительной целеустремленности. Не знаю, была ли чем-то для него полезна наша встреча, но я узнал для себя много важного не только о самом Борисе, но и о его совершенно таинственной для меня прежде профессии.

Б. Кравченко пишет короткие рассказы, а его «Третий день пути» (журнал «Север») — это просто шедевр! Почему-то писать коротко считается теперь неприличным, исчез «чеховский» рассказ. Однако читательское представление о человеке возникает не только из подробных описаний, но равно из скупых, порой будто вскользь упомянутых деталей... Я сам довольно описателен, не могу удержаться, чтоб не сказать, какие у человека глаза, черты, стать, так что я защищаю в данном случае не свою точку зрения, а просто хочу напомнить — пагубно одергивать молодых, заставлять их работать по принципу «делай, как я». Хотя и считаю своим долгом как могу помогать и Б. Кравченко, и Н. Соротикиной, и М. Наумову, но всякий раз оговариваюсь: это, может быть, хорошо лишь для меня, а вам без пользы... В одном из ближайших номеров «Литературной учебы» появится мое «Открытое письмо молодому автору», а точнее — Борису Кравченко. Но, по существу, это письмо адресовано вообще начинающим рассказчикам и затрагивает широкий круг вопросов, интересующих молодых новеллистов.

Прошлое и будущее, успехи научно-технической революции и ее последствия, ослепка на щек Богоматери в Ватикане, оставленная после реставрации (ее варварски изуродовал молотком сумасшедший фанатик), и изрезанный ножом «Ночной дозор» Рембрандта, труд бульдозериста в Карелии и чаеводов Ленкорани — все это повод для раздумий о судьбе человека в сегодняшнем мире, о его связи с предками, о его растерянности перед настоящим и поисках выхода, о его долге перед грядущими поколениями.

Приблизиться к постижению духовного мира современника, понять человека, объяснить ему его самого — такую цель, вероятно, ставит себе каждый писатель. Удастся ли мне к ней приблизиться — скажут мои книги.

Беседу вел
Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ